

УДК 008:1

Проблема диалога в современной культуре: социально-этические контексты

И.Л. Зеленкова, кандидат философских наук, профессор**А.А. Легчилин**, кандидат философских наук, доцент

В статье рассматриваются некоторые аспекты исследования проблемы диалога в контексте феномена толерантности.

The Problem of a Dialogue Between Cultures in the Modern World: Social-Ethical Context

I. Zelenkova, PhD in Philosophy, Professor**A. Legchilin**, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article covers certain aspects in studying the problems of a dialogue in the context of tolerance phenomenon.

Проблема диалога, ставшая чрезвычайно популярной относительно недавно, отражена в настоящее время довольно большим потоком исследовательской литературы, фиксирующей ее разнообразные «срезы» и, соответственно, «просвечивающей» феномен диалога под различными углами зрения. Единство позиций в этом потоке (да и вне его: в общественном мнении, выражаемом средствами массовой информации, в художественном творчестве, в политической риторике и т. д.) обнаруживается, по крайней мере, в признании *исключительной практической* значимости диалога (как в индивидуальном, так и в социокультурном отношении), что, естественно, актуализирует его научный дискурс.

Свидетельством актуальности проблемы диалога в целом, и в частности цивилизационного диалога, является также тот факт, что ее общие параметры и отдельные конкретные аспекты (культурологические, политические, религиозные и т. д.) стали предметом рассмотрения и изучения многими международными и национальными организациями разного уровня в самых различных регионах мира. Проходят многочисленные конференции, симпозиумы, встречи, на которых представители духовенства и правительственных организаций, писатели и ученые, деятели культуры и общественных организаций под различными углами зрения анализируют ключевые стороны этой проблемы.

Очевидно, что такой широкий резонанс проблемы диалога детерминирован особыми обстоятельствами современного бытия человечества, связанными в первую очередь с нарастающим обострением взаимоотношений цивилизаций и культур. В настоящее время вопросы «межциви-

лизационного разлома» (прежде всего по линии противостояния христианского и мусульманского миров) приобретают все большую *практическую* значимость, определяя реальное существование громадного количества людей, вовлекаемых в разнообразные конфликтные ситуации, которые не только дестабилизируют их жизнь, но и зачастую обрекают на гибель. Более того, «межцивилизационный разлом» является одним из важнейших факторов, грозящих гибелью всему человечеству.

Постановка и обсуждение проблем такого рода предполагают множество направлений «движения мысли». Так, например, своеобразной подоплекой исследовательского поиска может быть содержательное и дефинитивное осмысление термина «современность». Эта сложная задача должна быть, разумеется, предметом специального анализа, однако о некоторых аспектах ее перспективного разрешения можно упомянуть. Понятно, что и в этом направлении обнаруживается множество исследовательских позиций, которые часто направлены не столько на фактическое воспроизведение, описание и научный анализ нынешней реальности, сколько на ее оценку в соответствии с определенными «долженствованием» установками. Для одних исследователей «современность» включает в себе культурный образ действий, при котором люди пользуются преимуществами технологического прогресса для того, чтобы жить и иметь отношения с другими людьми посредством новых, «нетрадиционных» способов. Другие определяют современность как новый показатель качества человеческой жизни, сформированный главным образом возрастающей рационализацией и техническими возможностями

глобального межкультурного взаимодействия, немислимого в предшествующие периоды истории.

Все чаще представление о современности связывается со своеобразной «презентацией» или даже апологией западных идеалов и ценностей. В частности, Самюэль Хантингтон, чьи работы о современной цивилизации отражают мышление многих интеллектуалов и политических деятелей Запада, в своей книге «Столкновение цивилизаций и передел миропорядка» опирается на первоочередную позитивную значимость принципов индивидуализма, либерализма, конституционализма, прав человека, равенства, свободы, законности, демократии, создания свободных рынков, разделения церкви и государства, являющихся установками «западного» сознания. Из позиции наделения этих ценностей статусом *общечеловеческих* ориентиров нередко проистекает целый ряд следствий, которые представляются достаточно сомнительными не столько с теоретической точки зрения, сколько в контексте возможностей их реального осуществления. Так, например, такая мировоззренческая установка способна приводить ее «носителей» к убеждению в том, что они обладают правом на ее мессианское распространение среди тех, кто пребывает в состоянии отсталости, во власти суеверий, т. е. не соответствует «правильному» пониманию современности. Другими словами, осуществляется навязывание (идеологическое и/или практическое, мирное и/или насильственное, прямое и/или косвенное) «западных ценностей» в качестве «истины в последней инстанции» всему миру, что отнюдь не способствует смягчению политического и культурного противостояния.

Ориентации такого рода (даже если они порождаются не утилитаристскими мотивами, а благими пожеланиями) так или иначе игнорируют реальность *плюралистичности* современного мира, которая, естественно, им «сопротивляется», обостряя «межцивилизационный разлом» и минимизируя возможности диалога.

Мир, в котором существует человек, социальная среда его обитания сами по себе плюралистичны, множественны, разнообразны и раскрываются в богатстве цивилизаций, социально-политических систем, верований, национальных традиций, мнений, взглядов, философских идей и концепций, институтов, технологических укладов, психологических типов и т. д. Отказ от признания многообразия мира или попытка его жесткой унификации — путь к стагнации и последующей деградации всего человеческого сообщества. Поэтому трудно (по крайней мере, в теории) не согласиться с идеей значимости «системного плю-

рализма», нацеленного именно на *диалог*, который, в свою очередь, основан на внимании к опыту *другого*, фундированном *принятием ценности другого*. Забегая вперед, можно сказать, что только такая аксиологическая установка способна солидаризировать плюрализм и толерантность как конструктивные установки в стабилизации человеческого сообщества.

Вместе с тем процесс дестабилизации человечества на нынешнем этапе его развития часто воспринимается в эсхатологическом ключе, что, несомненно, имеет под собой реальные основания, связанные с многочисленными обстоятельствами. Не претендуя, разумеется, на сколько-нибудь целостное, системное воспроизведение «картины» современной реальности, можно в данном случае обратить внимание лишь на некоторые ее фрагменты.

История человечества всегда была связана с социальными катаклизмами и противоречиями, однако современная эпоха характеризуется не только предельным «заострением» фундаментальных антагонизмов и появлением новых, «глобальных», но и генезисом принципиально иных факторов, несущих в себе угрозу необратимой дестабилизации и уничтожения.

Инновационные факторы современности отнюдь не однозначны, поскольку содержат в себе и позитивный потенциал. Так, например, процесс глобализации можно рассматривать в контексте возникновения такой позитивной тенденции культурологического характера, как «взаимопроникновение культур», описываемой терминами «конвергенция», «диффузия», «интеграция», «ассимиляция» и др. Обозначенные этими понятиями процессы вроде бы способны синтезировать генезис единой мировой общности и культурную автономию. Развивая эту идею, ее сторонники оптимистично утверждают, что «приоритетным направлением развития современной цивилизации становится формирование нового мирового порядка, способствующего сочетанию единства мира в разнообразии его составляющих. Причем это разнообразие проявляется весьма широко: не столько в установлении национальной идентичности или порой в нарочитом космополитизме, сколько в сознательно избираемых человеком жизненных стилях, присущих либо частной жизни, либо сфере добровольных ассоциаций. Все эти тенденции культурного разнообразия, именуемые иначе культурным плюрализмом, мы предлагаем рассматривать как становление универсального качества, присущего современной культуре [1, с. 94].

Вместе с тем в контексте осмысления проблемы глобализации важно помнить, что «чем силь-

нее тенденции к универсализации и унификации внешних сторон жизни, тем люди склонны больше дорожить такими внутренними, характерологическими компонентами, как традиция, религия, культура своего народа» [2, с. 243]. Культурные «барьеры цивилизации» часто воспринимаются как более контрастные, поскольку глобализация как бы бросает вызов самобытности отдельных культур, отдельных социальных групп, отдельных религиозных представлений и т. д., усугубляя их противостояние и способствуя нарастанию враждебности.

Другими словами, прогрессивные тенденции XX столетия обеспечили различным государствам и культурам возможность более свободного общения, однако перспективы культурной унификации неизбежно вызвали протестные движения (часто довольно радикальные), связанные со стремлением сохранить самобытность во что бы то ни стало и даже навязать ее другим. Одним из своеобразных парадоксов глобализации можно считать противоречие между ее «универсализующим пафосом» и акцентуацией культурных различий, поскольку в условиях универсализации экономики, растущей взаимосвязанности государств, облегчения коммуникационных и информационных контактов и т. п. небольшие государства и нации стремятся сохранить свою особенность и самостоятельность любыми средствами.

Процесс глобализации обостряет традиционные для социума противоречия, переводя их на новый уровень существования. Так, например, пронизывающее человеческую историю противостояние «бедных» и «богатых» (теоретически превосходно реконструированное еще Гегелем) приобретает сейчас особую остроту, поскольку его «количественная» подоплека становится просто ужасающей. Западный мир, выступающий в роли «идеолога глобализации», сам подвергается разнообразным опасностям, в том числе возрастающему потоку мигрантов преимущественно из «бедного мира», последствия которого достаточно непредсказуемы, особенно в контексте демографической проблемы. В результате бурно развивающегося на наших глазах нового Великого переселения народов «старая Европа» и США становятся все более мультиэтничными (с соответствующими последствиями), Восток подвергается вестернизации, а в целом происходит болезненное, крайне противоречивое смешение культур.

Количество коллизий современности, проблематизирующих существование человечества, постоянно увеличивается, а их «качество» характеризуется возрастанием степени их противоречи-

вой напряженности. Это связано, например, с существенным изменением психологических, нравственных, религиозных представлений, с комплексом гендерных проблем, с изменениями в сфере образования и воспитания, со специфической ценностных ориентаций молодежи и т. д. В таком сложном, нестабильном, крайне противоречивом состоянии современного мира, ассоциирующемся скорее с хаосом и абсурдом, нежели с гармонией или хотя бы ее элементами, сущностно необходимо искать ориентиры, с помощью которых можно противостоять деструкции. Именно в качестве такого ориентира выступает *диалог*, значимость которого в настоящее время не только декларируется, но и проявляется в попытках практического осуществления.

Диалог, в самом широком спектре его понимания, содержит в себе исключительно конструктивный (по крайней мере, в перспективе) импульс солидаризации *разного*, смысл которого, применительно к диалогу культур, заключается в создании такой общекультурной целостности, которая содержит в себе своеобразный «сплав» различных культур и не препятствует их дальнейшему развитию.

Практическая «заостренность» проблемы диалога неминуемо связывает ее с *этическим знанием*, как раз и призванным обеспечивать, или хотя бы намечать, возможности эффективных трансформаций теоретических построений на нормативном уровне.

Имея в виду наличие многочисленных аспектов *этического* исследования проблемы диалога, можно обратить внимание лишь на один из них, связанный с феноменом *толерантности*. Понятие толерантности, противопоставляемое в качестве антипода ксенофобии и наиболее часто сопрягаемое с плюрализмом и диалогом, интерпретируется в напряженно-дискуссионном контексте. Ясно, что глобальность и неоднозначность проблемы толерантности не позволяют репрезентировать ее здесь достаточно широко и глубоко, поэтому целесообразно хотя бы обозначить некоторые ее грани, которые наиболее тесно соприкасаются с проблемой диалога.

Дословный перевод (с латинского) термина «толерантность» — «терпимость», однако спектр современных интерпретаций толерантности значительно шире и связан не только с *терпением* по отношению к «не своему», иному, но и с *уважением* различных проявлений инакомыслия, чужих (и чуждых) мнений, взглядов, ценностных ориентаций, чувств и т. п., с признанием их права на существование. Вместе с тем пока еще довольно часто (как на уровне специального, так и на уров-

не обыденного словоупотребления) встречаются толкования толерантности как терпения, терпимости. В этой связи в качестве конструктивной исследовательской установки можно предложить различение «*минимального*» (терпимость) и «*максимального*» (терпимость + признание права на существование + уважение иного + способность к диалогу с иным) значений толерантности.

Поскольку статус толерантности (вне зависимости от ее проявленности в качестве феномена, принципа или понятия) превышает «полномочия» любого исследования, любой частной позиции, относительно общим ориентиром ее анализа может служить определение в Декларации ЮНЕСКО: «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности, ... это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира...» [3]. Такое понимание толерантности аттестует ее не только как позитивную ценность, но и как *ценность исключительной универсальной значимости*. Тем не менее, интолерантное отношение к толерантности находит достаточно большое количество приверженцев и в теории, и особенно на практике. Это, разумеется, не случайно и объясняется целым рядом причин психологического и социокультурного характера, подробный анализ которых в данном случае невозможен, однако все же следует заметить, что сущностные основания интолерантности обнаруживаются и «внутри» самой проблемы толерантности.

Многоликость толерантности фиксируется в первую очередь в ее «двойственной природе», связанной с наличием *позитивного и негативного спектров* ее проявления, характерных для обеих наиболее *общих форм* толерантности (толерантность как личная позиция и толерантность как общественно-государственный и цивилизационный принцип). Позитивная значимость толерантности заключается в ее способности утверждать достоинство людей и их право «быть разными», придавая тем самым защищенность индивидуальности; уменьшать конфликтность в личном и общественном бытии; укреплять нравственные основания человеческого сообщества на разных уровнях его функционирования; гармонизировать разнообразие культур, религий, ценностных предпочтений и, следовательно, мир в целом. Не умаляя положительных свойств толерантности на уровне личностного общения, следует особо подчеркнуть ее современный *общечеловеческий статус* в качестве обязательного духовного условия

выживания цивилизации, поскольку при ее отсутствии невозможен конструктивный диалог любого уровня.

Негативные свойства толерантности обычно связываются с определенными социальными и индивидуальными «опасностями». К первым можно отнести возможную «маргинализацию» общества, угрозу раздробления государства, утраты единства в отдельной стране, распространение социальных девиаций, усиление экстремизма и т. д. Ко вторым — возможность стимулирования конформизма, попустительства слабостям и недостаткам людей, размывание и даже утрату собственного «я», манипулирование толерантной личностью интолерантными субъектами и т. д.

Феномен толерантности потенциально содержит в себе возможности двойственного характера, актуализация которых зависит от целого ряда условий. В качестве главных параметров «позитивной реализации» можно зафиксировать следующие: соблюдение разумной меры в реализации; необходимость нравственных ограничителей (например, оправданность интолерантности по отношению к злу); рассмотрение толерантности в качестве *средства*, предполагающее понимание *цели* ее использования (при условии этической или нравственной «экспертизы» этой цели); не формально-декларативный, а «естественный» (основанный на осознании и интериоризации) способ проявления; конкретизация функционирования толерантности в зависимости от ее формы, вида.

При нарушении этих условий толерантность оборачивается своей негативной стороной и утрачивает позитивные потенции. Фиксация «границ толерантности» представляется необходимой для того, чтобы не допустить превращения этой «бесценной добродетели» в свою противоположность; избежать известного «парадокса терпимости», объяснив допустимость интолерантности в ситуациях, когда речь идет о насилии, ущемлении прав и свобод человека, унижении его достоинства, о фашизме, национализме, терроризме, религиозном экстремизме и т. д.

Тесная взаимосвязь между толерантностью и диалогом может быть схематично представлена следующим образом: именно позиция диалога (способная, как уже отмечалось, полноценно объединять толерантность и плюрализм) является обязательным условием *позитивного* воплощения толерантности. С другой стороны, реализация *конструктивного* диалога невозможна без осознанной ориентации на «правильную» толерантность. Альтернативой «толерантному диалогу» в условиях принципиальной плюралистичности современного бытия являются противостояние,

конфликт, чреватые агрессией, борьбой, войной, дестабилизацией, разрушением.

Диалог не уничтожает и не «подрывает» значимость отдельных проявлений множественности (коллективных и индивидуальных, в религиозном и светском бытии, в различии культур), напротив, он способствует их сохранению и даже, быть может, совершенствованию.

Хотелось бы подчеркнуть, что успешность любого диалога зависит в первую очередь от его *целевой подоплеку* (не всегда осознаваемой участниками в полной мере или камуфлируемой ими), которая, с некоторым упрощением, может быть сведена к двум вариантам: установка на достижение согласия, выявление общих точек соприкосновения, возможности солидаризации позиций, другими словами, на «рождение» того, что может полагаться «истиной» на данный момент и в данном контексте; или стремление продемонстрировать себя как носителя единственной «подлинной истинности». Во втором случае диалог становится бессмысленным, поскольку участники (впрочем, достаточно наличия искаженной мотивации

у одного из них) будут не способны воспринимать *иное* и взаимодействовать с ним.

Ориентация на необходимость «толерантного диалога» декларируется в настоящее время достаточно широко и «обильно», другими словами, получает все большее признание в *долженствовательном* смысле. Однако на уровне *сущего*, стал-киваясь с многочисленными препятствиями пси-хологического и социокультурного характера, она часто утрачивает свой позитивный импульс и пока проявляется лишь локально.

Список цитированных источников

1. Дианова, В. М. Культурный плюрализм в условиях глобализации / В. М. Дианова // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сб. материалов симпозиума. — СПб., 2003. — Вып. 1.
2. Гаджиев, К. С. Введение в геополитику / К. С. Гаджиев. — М., 2000.
3. Декларация принципов толерантности. ЮНЕСКО, 1995 // Права человека, толерантность, культура мира: документы. — М., 2002.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.12.09 г.